

ДАВИД РАСКИН

СТИХИ 1999
- 2002

ДАВИД РАСКИН

СТИХИ

1999 – 2002

Санкт-Петербург

2004

ББК 84.Р7
Т18

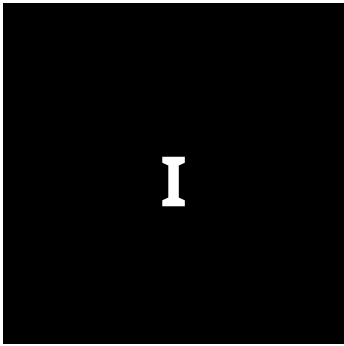
Давид Раскин

Стихи. 1999 – 2002.

СПб, ООО НПФ БИОС, 2004 г. – 76 с.

ISBN 5-88851-054-3

© Д.И. Раскин, 2004 г.

Говорится – небо, - подразумевается взгляд с высоты.
Говорится – земля, - подразумевается взгляд в высоту.
Никак им не встретиться. Разведены когда-то
построенные
мосты.

А ночью каждый смотрит лишь на себя,
Как в зеркало, так что звезда в упор не видит звезду.

А еще говорится – холод (подразумевается теснота),
А еще говорится – покой (подразумевается темнота),
А еще говорится – свобода (подразумевается пустота),
И еще по разным поводам говорится много чего,
Но любая речь недостаточно убедительна и проста.

Молчание растворяется в воздухе, так что в нем
Теряется и пропадает любое Я.
Свет, бесполезный ночью и незаметный днем,
Обозначает несовпадение неба и, конечно, земли
С холодом, покоем, свободой, недостаточностью
бытия...

Бессмысленно загадывать, что там было в начале:
Слово или немая тоска по слову,
Которая, как известно, есть лишь функция вечного
страха

Перед - не менее вечными - одиночеством и пустотой.
Достаточно корабля на Морском канале,
Паруса на заливе, дамбы, образующей
заржавленную

подкову,

Воды, лишенной обычной раскованности и размаха,
Почти переставшей быть морем, остающейся мутной

водой.

Мгновения не задержать, но его протяженность
Достаточно, в сущности, велика, чтобы вместить
остаток

Жизни, которая уже потому прекрасна,
Что нет и не будет другой и к этой слишком привык.
И все-таки невыносимы конечность и определенность
Любого и каждого действия. И до обидного краток
Промежуток между поступком и последствием. И

напрасно

Пытаешься переписать неразборчивый черновик.

Лишь запах нагретой воды, с незначительной
примесью йода и

соли,

Лишь вялый остаточный свет прокуренной белой ночи,
Лишь временность и вторичность плоти и крови
Напоминают о том, что все уходит в песок,

В котором не различить ни замысла, ни, тем более,
воли,
В котором любая вечность мгновенной вспышки
короче,
В котором нет ни конца, ни начала в молчании или в
слове,
В котором и тварь одинока, и сам творец одинок.

Оттаял и быстро подсох Александровский сад.
От сильного ветра стоит столбом
Соленая пыль, как в пустыне, где мы бродили
Тысячи лет назад.

Но от любых надежд остаются лишь клубы пыли.

И до конца растворяется соль в любом

Море, узком канале, луже. Любой водоем

Легко становится мертвым. Мы сами легко каменеем

или,

Уже устав стоять на своем,

Проходим и быстро отводим взгляд

От прошлого. Лишь на ветру краснеет закат.

Весь этот мир не стоил любви. Тем более, веры.

Было соленой жарой, стало пресной прохладой

Одиночество. Тысячи лет

Повторяются все одни и те же примеры.

И, независимо от прирожденных свойств и внешних

примет,

Застываем перед одной и той же преградой.

Словно стоим в пустыне, объятай

Ужасом. Вечер пахнет полыньей и мятой.

И ничего несомненного нет

В жизни, благословенной или проклятой.

Только запутанность счета старой и новой эры

И ограниченность слов, и гулкость небесной сферы.

Хромовым лезвием холода, бритвенным жалом
Резкого отчуждения, тонкой пластинкой свободы
Не ограничиться. Только бензиновые разводы
Окрашивают поверхность воды, растекающейся по

каналам

И мелким рекам. Камнем или металлом
Обозначаются резкие переходы
От несомненной жизни бывшего общим первоначалом
Слова - к небытию чужой и бессловесной природы...

Мыльная пена дождя на пыльной дороге
Пахнет мучительным пробуждением на рассвете.
Лишь постоянство столетий или тысячелетий
Придает уверенность в каждой букве и в каждом слоге.
Многообразие уподоблений и аналогий
Образует еле заметные, но все еще прочные сети
Смысла, не связанного, в конечном итоге,
С обратным порядком слов и обилием междометий.

Ни продолжений, ни выводов, только одни параллели,
Бессодержательность воли, бессилие представлений
О настоящем и будущем. В плесени, прахе и тлене
Все изначальные данности. Из-за отсутствия явной

цели

Знание ограничено. Так что, на самом деле,
Сущность лишь в холоде, сырости, бритвенной
мыльной

пене,

Мутной цветочной пыльце, битом стекле на панели
И дождевом широком потоке со множеством
завихрений...

Пора бы уже расстаться с детской наивностью, с той
Уверенностью, что нами все начинается в этом мире.
То ли душа по-прежнему хотела бы быть звездой,
Но она, как и прежде, безлична и растворена в эфире,
То ли ее и не было, как нет и эфира. Простой
Вывод из узкой посылки и следствие не намного шире.

Звездная пыль, бессмысленный прах в безымянной
горсти,

Сочетания то неподвижных, то слишком зыбких
понятий,

Все эти файлы, с расширением .doc или .txt,

Раскрываемые чаще всего некстати...

Вот и приходится уповать лишь на странное имя, почти

Бестелесное, как сероватое облако на закате...

Приходится если не полюбить, то, по крайней мере,
Примириться (поскольку любить вообще ничего не
надо)

С этой рассеянной влагой, ждущей электрического
разряда,
Чтобы пролиться и превратиться в непролазную слякоть
Пыльную землю. (Здесь, в лесной ойкумене, в
речной, болотистой
сфере
Дождь имеет право идти, но совсем не обязан плакать).

Смысл ржавеет, словно некрашенная проволочная
ограда.

И, как всегда, ненавистна безвольная, не мощенная
мякоть.

Если перед тобой закрывают двери –
Не стоит стучаться. Да и жалеть о мнимой потере
Не обязательно. Скорее кончит окать
по-новгородски и по-московски

акать

Глагол отдаленного грома, чем прольется покой и
отрада.

Так что отчетливость ожидания (почти равнозначная
вере)

Зависит от точки зрения или от силы взгляда.

Там, где растут одуванчики и куриная слепота,
Прорастает колючая безысходность. Да и любой
Пустырь, любые заброшенные места
Пахнут, в конечном счете, необходимостью и судьбой.
Но почва убога, да и погода не та,
И трудно поверить, что все это было когда-то с тобой.

Незаметно сужается взгляд, превращаясь в осколок
стекла

На сорной, пересохшей, замусоренной земле.
В нем мало что отразилось. Из этого проистекла
Одна неуверенность. И сам ты в зеркальном стекле,
Как в термосе, лишь сохраняешь остатки тепла
Вроде простых понятий якобы о добре и зле.

Покой относителен, но абсолютна тоска
По направленности движения. Ты ею пронизан и сам.
Из глубины, из-под слоя суглинка или песка
Просачивается жалость к этим убогим кустам
И чахлой траве. Лишь смотрит на все свысока
Линялое небо. И все давно расставлено по местам...

То, что не сказано вслух, -
Как бы и не было. То, что нигде не записано, -
Как бы не сказано. И, стало быть, оставляет надежду
На возможность какой-то иной
Жизни. Вот почему
В начале было молчание. Свет,
Не отделенный от темноты,
Мерцал в сослагательном наклонении.
Все, что еще осталось на этой земле,
Кроме, конечно же, нас самих,
Живо и осязаемо, пока не прервется сон.
Только в юности привлекательна завершенность,
В сущности, противоречащая свободе,
И, на самом деле, не нужная никому.
Позже вступает в силу
Отказ от имен и названий, презрение к собственной
воле,
Безглагольность длящейся пустоты и, наконец,
Бесформенность бытия.

Небо под вечер тревогой перебродило,
Словно одушевленное существо.
И одинокий разум не выдумал ничего
Лучше, чем внешняя воля и внешняя сила.
В доме ни окон, ни крыши – стены одни и стропила...

Да и вообще в переменах света и темноты
Нет ни конца, ни начала, ни обязательного порядка.
Зло притаилось, словно болотная лихорадка.
Не к кому в пустоте обращаться на ты.
Только придуманный сад все нумерует листы
Бесконечной книги...

Существуют только слова. И чаще всего ни о чем.
Молчание – только озноб, пробежавший внезапно по
коже.

Раскрывается каждый шифр одним и тем же ключом,
Потому что загадки жизни все друг на друга похожи.
Мы и живем почти что лишь мысленно. Словно во сне.

И

все

же

Из пустоты в пустоту, как ртуть, непрерывно течем.

Выкачан воздух. И то, насколько прочно стекло,
Определяет меру устойчивости сочетаний
Слов. И все, что из них несомненно проистекло, -
Только стандартный набор значков на экране.
Все превратилось в слух. И сохнет голос в гортани,
Как за порогом жизни. Холодно и светло...

II

Как в детстве знаешь о смерти: это будет не скоро и,
главное, не со
мной,
Как в старости знаешь: скоро, со мной, и это страшно на
самом
деле,
Так же слегка, по касательной, вспоминаешь путь, так
сказать,
земной
И переводишь его на язык, которым все мы так и не
овладели.

Много там было неточностей, недоделок, уступок,
поводов
для
стыда,
Больше всего случайностей, притяжений и волн в
непонятном
поле.

Дело не в том, что все мы проходим, не оставляя следа,
Дело в том, что наши следы совсем не зависят от нашей
воли.

Несомненны лишь время и место. Все остальное
условно
или
почти
Не обязательно. Закономерности достаются
мемуаристам.

Всякое знание постепенно теряется на пути,

Отчасти торном, отчасти, как говорится, тернистом.

То, что в детстве было снежной горкой,
В молодости – пригородной электричкой,
Стало в старости равниной дальнотзоркой,
Меньше, чем натурой, больше, чем привычкой.

Потому что вечно холодом и злобой
Тянет, например, от Финского залива.
Форточку и ту пошире распахнуть попробуй –
Сразу станет зябко и тоскливо.

Окисляются, сгорают звуки.
Стерлись все причины. Альфа и омега.
Стало меньше ожиданий, больше скуки,
Меньше воздуха, намного больше снега.

Забылось, как звали кого. Все прошли, не оставив следа,
Почти не меняясь, а только считаясь все старше и
старше.

И если и были, то в прошлом остались огонь и вода
И медные трубы, теперь выдувающие похоронные
марши.

Как будто все это приснилось, как будто и не было
никогда.

Одно ощущение тяжести или, скорее, объема
Весной нарастает, сжимается в зимние холода
И пылью въедается в твердый картон выпускного
альбома.

Пока не нарушен синтаксис и остаются всегда при тебе
Обстоятельства места и времени (о причине пока

умолчим),

Можно еще говорить о какой-то общей судьбе,
В которой, впрочем, разлад уже отчетливо различим.

Нет, не последовательность времен, не пресловутое
propter

hoc

Еще волнуют и заставляют оглядываться назад.
Только густой и бесформенный, стирающий все поток
Обозначается как сознание и может быть взят

За точку отсчета и зрения. И никогда
Ты не был настолько свободен. И остаются с тобой
Очередность событий, выстроенная без труда,
Осадок неловкости, сожаления и стыда
И тень пролетевшей жизни. Ничьей, случайной,
любой...

* * *

Нет никого. Имена покрылись мучнистым налетом.
Признаки жизни свелись к незавершенности. Впрочем,
Больше уже за чертой (только не спрашивай, что там!),
Чем остается. Не уточнить. Ничем не помочь им...

А в выходной над заливом низко летят дельтапланы.
Слабые проблески солнца тонут в сгустившейся влаге.
Больше и нет ничего. Дальше - дожди и туманы
Да в пассажирском порту провисают линиялые флаги.

Пасмурно. Пусто. К тому же еще временами - осадки.
Собственный голос и смысл - неудобноносимое бремя.
Слишком подробные списки. Поздние перепечатки.
Отсвет чужого огня, уходящего вместе со всеми...

Помнишь ли длинные стеллажи из грубо сколоченных

досок,

Слегка ошкуренных и покрытых темной морилкой,
Книжную юность, пространство, в котором любой

отголосок

Повторялся, как многократное эхо,
Белые ночи за бесконечными разговорами и за

бутылкой,

Частые взрывы почти беспричинного смеха?

Короче, дальнейшие подробности опуская,

Нужно признать, что было обещано слишком много.

Эта обитель, убежище, чаще всего, - мастерская

В нас не нуждалась и, не желая быть неизменной,

Кончилась, не дождавшись положительного итога.

С нами осталась лишь темнота. Одиночество разума во

вселенной.

Все обозначилось, не выходя из домашней библиотеки

Или, по крайней мере, читального зала на прежней

Фонтанке.

Той же водой полны застывшие реки.

Те же старые страхи и прежние предрассудки.

Та же поверхность вещей и та же изнанка.

Только вот целая жизнь прошла в промежутке.

Припомни без пристрастия и гнева
Прошедшее. В обиде воспаленной
Отходчивостью сам себя обрадуй.
А двор был узким, проходным, а слева
Стояли за решетчатой оградой
Может быть, липы, но, скорее клены.

О будущем едва напоминали
Обрывки слухов, чьи-то пересуды,
А настоящий день все сеял злобу,
Как тополя на Крюковом канале.
И таял леденец, прилипший к небу.
Что наша жизнь? – Пастилка от простуды.

Устойчивы лишь имена и вещи.
Как в зажигалке, иссякает пламя
Тех лет. Но жаль, что этот привкус мятный
Стал приторным. Изображенье резче –
И ты – уже чужой и непонятный,
Состарившийся вместе с тополями...

На экране заставка Windows в виде трубопровода
Напоминает о навсегда ушедшей эпохе,
Измерявшейся киловаттами, миллионами тонн чугуна
и

стали.

Паром дышало железо, содрогаясь при каждом вздохе,
Дымили кирпичные трубы, покорялась прорабам

природа,

Рельсы звенели и города на пустырях выростали.

Впрочем, нам уже не досталось ни этого дыма, ни этих

строек.

Но вспоминаю подвал, где из стены торчали какие-то

скобы

И проходила труба отопления, окутанная стекловатой.
И почему-то хватало на всех черно-белой злобы
Зимнего дня, и был особенно стоек
Запах спиртного и сырости, крепленный и кисловатый.

Студия или, скорее, кажется, мастерская.

Выпито это вино, не осталось даже похмелья.

И до конца сохранились лишь кое-какие привычки,

скажем

Тяга к огню и железу, преклонение перед целью,
Надежда на перемены и, подробности опуская,
Вера в прогресс и любовь к индустриальным пейзажам.

Вспоминается темная, мокрая, зачервивевшая малина
На придорожных кустах. Получается память с
привкусом

пыли.

Прошедшая жизнь испаряется кристаллами нафталина.
И сам о ней толком не помнишь, и все остальные
забыли.

Заложена наглухо в шкаф гнилая дачная местность.
Лишь почему-то запомнилось расписание электричек.
Чужие заборы подчеркивают случайность и
легковесность

Всех накопившихся мнений, привязанностей и
привычек.

Все меньше и меньше слов остается для разговора
Хотя бы с самим собой. Одни названия станций.
Кусты малины. Крапива, пылящаяся вдоль забора.
Все прочее – только цитата. Гербарий. Местная флора.
Осень. Пустой лесопарк в надорванном школьном
багрянце.

В каких-то потрескавшихся перегородках вся жизнь

протечет,

В облезлых обоях, жирных пятнах, заржавленных
кнопках,

В фанерных ящиках или картонных коробках,
Под запахи пыльной бумаги. И вряд ли чей-то расчет
Ее предусматривал. Так культурный слой при раскопках
Хранит шелуху бытия. И лишь сероватый, зеленоватый

налет

Почти что безжизненной плесени предусматривает

возможность

Распада, исчезновения. Впрочем, кто поручился бы

наперед,

Что эта живая влажность, вся это цветущая сложность
Не превратится в сухую пыль? – Пожалуй, лишь тот,
Кто помнит, что этот нелепый, ветхий, почти
расползшийся

обиход

Предполагал когда-то неторопливость и осторожность...

На снегу выколачивают ковры.
Резкий и гулкий звук
Расширяется в замкнутом пространстве двора
И улетает вверх, как подброшенный мяч.
Случайный слушатель - вне игры.
Случайный зритель выпустил все из рук.
Если, конечно, это была игра,
А не вечная цепь неурядиц и неудач.

Если когда-то в руках
Было хоть что-то, кроме тающего снежка.
Если все допущения, словно теплый и сладковатый
дым,
Уходят в пустое небо, колеблются на ветру.
Снежный пушистый прах,
Независимо ни от чего, словно исподтишка,
Переполняет бывший минуту назад пустым
Воздух. И с каждым ударом по распластанному ковру

Все безусловнее время, и потому коротка
Жизнь, вовлеченная изначально в некий условный круг
Присутствия и соучастия. Неуловим
Смысл, но он и не нужен. Пора
Хотя бы окно затворить, пока
Все не застыло и вдруг
Все не свелось к итогу с почти нулевым
Значением, словно пылинка, выбитая из ковра...

Сквозь пробоины в шиферной крыше звонко стекает вода.

Несмотря на оттепель, дико и холодно на автобусной остановке.

И едва прикрывают от ветра тонкие металлические щиты.

Дело не в том, что кончается век или что старость
наступает без

подготовки,

Даже не в том, что потрачено все непонятно на что и
ушло

непонятно

куда,

И остается лишь масса талого снега с кисловатым
запахом

бессилия и

нищеты.

Не дожидаться автобуса. Только цветные пикапы

маршрутных

такси

Проходят, не останавливаясь. Да и никто их

Не просит остановиться. Короткий рассказ

Не нуждается в действующих лицах, тем более в каких-
то

героях.

Отблески автомобильных фар растворяются в

студенисто-белесой

гязи.

Забылось начало и интерес к продолжению незаметно

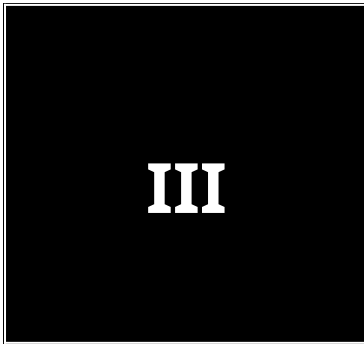
угас.

Поэтому нет ничего, кроме сырости и капающей воды.
Попытки хоть что-нибудь прояснить, конечно, не стоят

стараний.

Ни слушателя, ни читателя нет и рассказчик давно
устал.

Бесконечное одиночество застывает на грани
Исчезновения. Тают в снегу твои, да и чужие следы.
Крошится асфальт. Облезает краска. Ржавеет металл.

Гранитный залив загустел и замерз.
Сквозняк пробивается в щели.
Застыл на ветру ледяной Гельсингфорс,
И флаги в порту отсырели.

Раскинулись камни, дорогу стеснив,
И плавают подземные клады.
Желтеет подернутый жиром разлив
Огней в глубине Эспланады.

Осел на стекло серебристый налет,
Дробясь на караты и доли.
Лишь тают в тумане лапландских болот
Какие-то гномы и тролли.

И станет пространство в конце января
Еще бесприютней, безлюдней,
Темнее, чем жизнь, пролетевшая зря,
Плотнее, чем сон до полудня...

Не заменишь себя никем и другому не передашь
Ощущение вечера. Снежинок, тающих на лету.
Словно чей-то мягкий, плохо заточенный карандаш
Неумело рисует чужую предпраздничную суету.

Скорее формально, но в какой-то степени по существу
Ты и сам к этой суетолоке, к этому скопищу
принадлежишь.

Жизнь прошла, как во сне, но жить приходится все-таки

наяву,

Сохраняя достоинство или хотя бы внешний престиж.

Чем скорее вернешься к себе, тем больше переберешь
Вариантов возможных решений, а себя все равно не

сберечь.

И все та же всеобщая сырость, озноб и безымянная
дрожь

Наполняют не слишком глубоким смыслом безличную

речь.

Как в оттепель мокрый лед
Блестит при свете луны
Или – чаще – ночных фонарей,
Так призрачны и заведомо неполны
Воспоминания. Топорщится переплет
И проступает засохший клей

На бесполезных полях.
Любые пометы сотрет
Равнодушная и, очевидно, чужая рука.
Впрочем, все обозначено лет на двести вперед.
Пахнет бессилием книжный прах.
Разум едва ли прочнее картонного корешка.

Отблески фар скользят
По наледи. Воздух пропах
Сыростью и бензином. Мнимая суть
Проступает испариной. Пятнами на фасад
Оседает. Время проносится впопыхах.
И страшно еще одну страницу перелистнуть.

Непомерно большая луна в облачном серебристом
убранстве
Нависает где-то за Петергофом, за дамбой, над
глянцевитым
заливом.
Изначальное одиночество продолжается в
четырёхмерном
пространстве,
И доступный для восприятия мир становится все более
пустынным и
молчаливым.

Потому что любая волна слабеет и затухает по мере
Отдаления от источника первоначального всплеска.
Неподвижная толща места и времени гасит сигнал,
приводя к
потере
Смысла. От слабого ветра слегка колеблется в
полураскрытом окне
занавеска.

Так что немного дыхания, немного влаги, немного
праха
Недостаточно для подобия с образом, давно
затерявшимся
где-
то.
Сочетание веры, надежды, любви и, конечно же, страха
–

Лишь обманчивая дорожка холодного, зыбкого,
лунного

света...

Да что там море! Достаточно кусочка залива,
Серовой полоски песка, поросшей осокой.
С несовершенством сознания нас примиряет малость
Цели, не сбывшейся, да и не слишком высокой.
Разум слишком самоуверен, чувство слишком пугливо,
А постоянна только накопленная усталость.

Так что достаточно любого пресного водоема,
Относительной тишины или короткой отсрочки
Для сохранения равновесия между словом
И бессловесным томлением. В каждой точке
Мыслимой плоскости, расширенной до упора,
Все совершенно испытано и знакомо.
И неизменна только полоска земли вдоль забора,
Пахнувшая крапивой, донником, болиголовом.

По ночам непонятные звуки пронизывают весь дом:
То ли урчит холодильник, то ли скрежещет
электродрель.

Если проснешься, то засыпаешь медленно и с трудом.
Теряется счет часов, порядок дней и недель.

А если слякотным утром зазвенит, как всегда, телефон, -
Не знаешь, что и ответить, тем более, что сказать.
Кажется, все еще длится прерывистый и тяжелый сон
И все повторяется и пропадает опять и опять.

Только по-прежнему чернеют оттаявшие кусты.
Короткий день остается случайным, неделимым,
простым.

С каждым годом все непонятнее жизнь, да и ты
Все меньше и меньше в ней закономерен и необходим.

Сквозь густые струи воды, с внутренней стороны водопада,
Например, такого, как в Саблино, словом, не слишком
высокого и

крутого,
Видишь размытые лица, слышишь отдельные голоса, не
различая

ни

слова,
Отделяешься от окружающих, убеждая себя, что так, мол, и
надо.
Есть и еще прием – переплести определенным образом руки и

снова
Ощутить себя защищенным от всякого слова и взгляда.

Все эти мелкие ухищрения, эти беспомощные уловки –
Даже если они достигают поставленной цели –
Не отключают от жизни и бесполезны на самом деле.
И начинается день, невыносимый без предварительной

подготовки, -
Разъедающий волю декабрьский свет, брезжащий еле-еле,
Поглощающий сознание холод на автобусной остановке.

Серая накипь, шум неупорядоченных значений
Забивает любой сигнал. Кипят на ветру дождевые
частицы.

Отяжелела на пустырях взлохмаченная трава.
Все остальные подробности подобны пыльной
глинистой

пене:

Дождь смывает все, что могло бы случиться,
И безразличны и различимы едва
Вылет из Пулково или из Пулково-2.

Словно какая-то соль сковывает суставы.
Словно порядок действий и все остальные правила и

законы

Выстраиваешь впервые, заново, наугад.
Только сырая тоска Невской, Нарвской или Московской

заставы

Предполагает выход из навсегда обозначенной зоны,
Долгий осенний день и почти незаметный закат.

И мало осталось ограничений, запретов и прочих
условных

преград.

По тонкому льду залива бесшумно бежит снегоход.
Короткий день на исходе и скрыться за дамбой готов.
Но остается нечто, что ночь не примет в расчет
И вечер не растворит в огнях прибрежных домов.

И что-то в нас недосказано, хотя по привычке молчим.
Сошли мы на остановке и, кажется, не на той.
И собственный голос почти что неразличим
На фоне нездешнего гула, рожденного темнотой.

Добавит немного смысла, решимости больше придаст
Не слишком морозный и даже не слишком туманный рассвет.
И заново кто во что, как говорится, горазд
Пустится в объяснения. А общего – нет как нет.

По случаю то ли праздника, то ли хорошей погоды
Метро переполнено до отказа, словно бы некто
Пожелал затеряться в толпе, а толпа забила все
эскалаторы

и

переходы,
Непрерывно лезет вверх и растекается вдоль
проспекта.

Все это мыслящее тесто, вся комариная биомасса,
Этот пискливый гул голосов, все эти стохастические

процессы

Так же легко сойдут на нет, примерно, в течение часа,
Но некогда ждать финала чьей-то бездарной пьесы.

Люди, как лягушачья икра. И сам ты не лучше прочих.

Потому что каждый случаен в этой картонной,
масляной

панораме.

Прохожие ускоряют шаг. И вот уже гонит в ночь их

Холодный ветер, играющий флагами, транспарантами и

фонарями.

Как язычок зажигалки в непроглядной лестничной

темноте,

Когда в замочную скважину никак не попасть ключом,
Непрочно и трепетно имя, мелькнувшее на слуху, -
К тому же и дом не тот, и коридоры не те,
И посторонние речи скорее всего ни о чем,
И вечно чужие стены сохраняют лишь пыль и труху.
Другого и быть не может. И не находишь нигде
Просвета в толще вещей. И только дверной проем
Определяет масштаб. И какой-то шум наверху

Заставляет думать, что все на самом деле не так.
Неясный звук, усиленный водопроводной трубой,
То гаснет, то вновь возникает, словно бы вдалеке.
Тревога в тебе самом, поэтому каждый пустяк,
Любой непривычный звук, тем более голос любой
Раздражают, как перегоревшая лампочка на потолке.
То затхлая духота, то непонятный сквозняк.
И нет ничего постоянного, и остаются с тобой
Лишь зажигалка в кармане и ключ в дрожащей руке...

Оловянные, пластмассовые ели.
Как несвежие газеты,
Пожелтевшие, намокшие березы.
Все сравнения не достигают цели.
И иначе быть не может, если даже
Не известно толком, где ты,
Чем испуганы или задеты
Влажные деревья. Но любая часть пейзажа
Не зависит ни от фразы, ни от позы.

Мысли не нужны. Не бродят соки
По корням, стволам и сучьям.
Мало красок приготовила природа.
Взгляд, то пристальный, то однобокий,
Не добавит ничего к законам
Неподвижной осени, к ползучим
Переменам, к худшим или лучшим,
Или даже вовсе неопределенным
Вариантам постепенного исхода...

Как паутина, повисшая на потолке,
Потерявшая натяжение, слипающаяся в комок, -
Теряет объем и форму и убывает в смертельной тоске
Время, которое все равно иначе выразить бы не смог.

Продолжающееся прошедшее переходит в рыхлую
пыль.

Испаряется и вызывает кашель каждый глагол.
Почти не меняет смысла, но определяет стиль
Недостаток воздуха. Все тот же грубый помол.

Все та же закваска тяжелой речи без поводов и причин.
Если и говорить, то лучше всего ни о чем.

Молчание пахнет хлебом. Горчит подгоревший тмин.

И не проникает сквозь плотную ночь ни одна звезда ни

одним

лучом.

Жизнь почти что прошла, но так и не привязала
К какому-то месту: стране, городу, улице или хотя бы

дому.

Все заменили слова. Но каждое слово, увы,
равнозначно

любому другому,

А всех возможных значений все равно оказалось мало.

Но все-таки помнится запах Крюкова или

Екатерининского

канала

И вечно дождливое небо, соразмерное призрачному

объему.

Конечно, все это было чужим – ничего своего не
оказалось

на

деле.

В белесой воде залива осталось не так-то уж много
соли.

Не потому ли и речь получается неубедительной, не от

того

ли

Предпочтительнее молчание? И только в конце

бесконечно длинной

недели

Проходишь знакомым путем и видишь, что прежние

улицы

опустели,

И дряхлый мир распадается, не ощущая и не причиняя

боли.

IV

Пылающий закат переступил рубеж
Доступного для глаз пустого небосвода.
А на губах горчит прохладная свобода,
Заоблачный ментол, небесный Aquafresh.

Пока не сгнила ткань условной пелены
И мыслимая тень сливается с потоком
Расплывчатых часов. И можно ненароком
Остаться на плаву. И дни еще полны...

Но ночью нужно быть всегда настороже:
Все за тебя решат. И, как всегда, келейно.
Вдруг время выпустят, как воду из бассейна,
И – невозможно плыть. И незачем уже...

Как на Финском заливе вечером голубой
Перетекает в темно-багровый, а после в свинцовый
цвет,

Как посвистывает сквозняк, переполняя собой
Пустую комнату, и трещит рассыхающийся паркет,
Так меняются все значения, легко занимая любой
Промежуток в диапазоне между «да» и, допустим, «нет».

Все это – дело условной договоренности, а потом –
Просто привычки. Но быть зависимым от других –
Невыносимо. В пространстве, безлюдном, а потому –

пустом,

Голос почти не нужен и постепенно затих.

Стала податливой глиной или текучим льдом

Плоть одинокой мысли, свободной, во-первых,
бесцельной,

конечно же, во-

вторых.

ЧЕРЕМУХА

Как сгусток синтетических суждений,
Застыла ртуть. В случайном разговоре
Не говори, что, дескать, не люблю
Предчувствий. Страх заложен а priori
В любом из чувств. Как воздух, уже весенний,
Но все равно стремящийся к нулю.

Так в сновидениях, перетекая
Из одного незнания в другое,
Выходишь в тот единственный просвет,
Где больше отчужденья, чем покоя.
И счет не тот, и мера не такая...
Все прочее узнаешь из газет.

Недоверие вызывает любой незнакомый предмет.
Потому что все должно находиться на одних и тех же

местах,

Несмотря на то, что время по встречной бежит полосе,
И боишься столкнуться с ним, потому что в природе нет
Ничего прекрасного, лишь беспорядок и вечный страх
Потеряться, отстать, оказаться вдруг не таким, как все.

И находишь радость лишь в звуковой оболочке слов,
Без которой бессилен разум и жизнь была бы совсем
Неотличима от смерти. Вливаясь в общий поток,
Первоначальный смысл никогда не бывает готов
К самораскрытию в рамках примеров или систем.
Но любой отчетливый звук, по определению, одинок.

Существование плюс необходимость равняется бытию.
Существование плюс случайность равняется
продолжительному
страданию.

Существование плюс неизвестность порождает
усталость,
раннюю,
такую же
Как зимние сумерки между пятью и шестью.

Казалось бы, просто падает снег и нет никаких причин
Навязывать внешнему миру собственные сомнения
В подлинности того, что и так уже более или менее
Считается призрачным. И все-таки ни один

Из признаков этой жизни не очевиден сам по себе.
В записи все это более гладко, но все равно
мучительны

многоточия.

А постоянны лишь ветер, сухая поземка и всякие
прочие

Мелкие неудобства. Одышка при быстрой ходьбе.

Прерывистость и непрерывность. Влажный снег,
разделенный на
доли.

Волны холода и колючие, кристаллические частицы.
Скользкая необходимость. Песчинки свободной воли,
Причины всех повторений, робкие от невозможности
где-нибудь
приютиться.

Тяготения к жизни и к смерти, уравновешенные в
каком-то
мысленном
поле.

Бесконечное приближение не прибавляет смысла
случайным
знакам.

Одиноко в ночном Интернете, холодно в продуваемом
сквозняками
доме.

Дрожащий, рассеянный свет сменяется однородным, по
сути,
мраком.

Тает хрупкая изморозь априорных понятий и
антиномий.

Время – дискретно, поэтому все повторяется, кроме
Собственной жизни, перегоревшей и ставшей
бесформенным
шлаком.

ОБУХОВО

Любой отдельный предмет и любое
одушевленное существо
Теряет свою единственность,
перемещаясь в пространстве.
Но кроме одиночества
в дороге нет ничего
И кроме бессилия и упрямства
нет ничего в постоянстве.

Еще мерцает гнилая ночь
огнями грузовиков,
Еще дрожит живое железо
и дышит морозным паром.
Перед тобой – лишь гаражный замок,
тяжелый ржавый засов,
Стальная дверь никуда,
нечувствительная к ударам.

И так в этой жизни душно и сыро,
холодно и темно.
И так очевидно, что ждать другой
нет никаких оснований,
Что вся полоса отчуждения, все
дорожное полотно –
Лишь узкий мост через пропасть
значений, имен и названий...

Нет ничего холоднее одинокого фортепьяно,
Звучащего то ли в записи, то ли в прямом эфире,
Дальше любой звезды, гораздо страшнее и шире
Кровавой полоски заката, проступающей из тумана.

В космосе звук никогда не бывает полностью чистым.
Холодно в комнате. Ночь подступает неслышно и скоро.
Мужество одиночества дается только солистам,
Страхом веет от безымянного и безмолвного хора.

Словно царит во вселенной лишь одна ледяная
константа.

Если б душа и была – она бы насмерть продрогла.
Нет никого. Ни композитора, ни музыканта.
И от глухой пустоты отделяют лишь тонкие стекла.

Живые и мертвые адреса
 давно ушли в Интернет.
Несуществующая печаль
 окрасила каждый из них.
А если и адреса больше нет,
 и выхода тоже нет,
Придется без имени провести
 остаток дней отпускных.

Послужат условной мерой всего
 искусственные голоса.
Чем дальше первоначальный толчок,
 тем больше слабеет звук.
И если мелко дрожащий экран
 еще утомляет глаза,
То где-то уже и воля, и смысл
 уходят из чьих-то рук.

Начало всего и конец всего
 вошли в прозрачный объем.
Случайный сигнал, пришедший к тебе,
 конечно, только предлог.
И время, которым дышим, и тот
 воздух, который пьем,
Превысят один условный порог,
 вольются в один поток...

Как тишина отключенного телефона,
Как одиночество лунной дорожки, тонущей в темном

заливе,

Как совершенство мертвого языка, на котором некому

говорить, -

Так и твоя бесполезная память, не разделенная больше
ни

с

кем,

То сохраняющая одни имена,
То вызывающая одни безымянные тени
На мертвый экран...

Можно восстановить хотя бы порядок событий –
Ты и сам понимаешь, что все это – только условность.
Тяжесть любых сомнений неизбежно тонет в мутной

воде.

Постепенность и непрерывность порождают иллюзию
длящегося

конца.

Так что случайный смысл

Не нуждается в действиях и предметах и остается
лишним

И потому стремится к нулю.

РАССУЖДАЯ О МЕТОДЕ...

Дискурсивные практики грязноватых берез и
красноватых

кустов

Предполагают наличие весеннего словаря,
Уже застывшего, словно глиняная кора
На высохшей луже, общего для тебя и всех остальных,
Определенность слоистых, упорядоченных облаков.

Телесные практики лопающихся почек и свежей
листвы,

Достаточно клейкой, чтобы любить ее без причин,
Предполагают общую волю к выходу за предел
Усталости и сонливости, выявленную связь
Почвы, движения соков, системы координат.

Все эти условия, эти основания, попросту говоря,
Перерастают в такое желание жить,
Что сгущается воздух и затаенный рост
Не нуждается в оправдании... Кстати, уже давно
Все это и так заранее знал, лишь потом почему-то
забыл!

Поэтому устаешь подвергать сомнению, без
объяснений

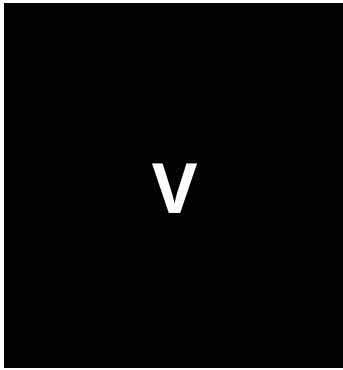
вдыхать

Безличную влагу свободы, без гнева и предубеждений

смотреть

На редкие всходы травы, на подпалины пустыря.

И все, что казалось плотным, колеблется, словно пар
От нагретой земли. И больше нет ничего за тобой...

Сухость гортани, саднящая тяжесть любых изменений,
Действие, за которым следишь, дыхание затая,
Все остальное оставляет лишь след невысказанных

сомнений.

Так и переживаешь день, летний, прохладный, скорее

осенний,

Беспричинность и пустоту наличного бытия.

Кварцевые часы, не требующие завода,

Гонят по кругу все те же стрелки. Но выцвел давно

циферблат.

Время обозначает только забота,

Гудение ос, переживание перехода

Из неуверенности в боязнь. И беспричинной тревогой

объят

Безличный воздух, насыщенный сухими частицами
пыли.

Мелко дрожит паутина на слегка раскачивающихся
кустах.

Словно все подчиняется какой-то недоброй и
безымянной

силе

Или же все настолько случайно, что все о тебе забыли,
Как в детстве. И каждая тень вызывает страх...

Внезапная оттепель укрепляет вечный самообман
Согласия и сочувствия. Но стекло автобуса запотело.
Да и тебе самому нет никакого дела
Ни до кого. Только пытаешься неумело
Протиснуться к выходу, а за ним – изморось и туман.

Все настроения и убеждения зависят исключительно от
погоды.

Поэтому все повторяется и каждый из нас похож
На любого другого. Все прочее – или явная ложь,
Или ошибка в исходном пункте. Дальше – лишь
двери, в которые никогда не войдешь
И пропахшие сыростью и нищетой подземные
переходы.

Сколько бы ты ни пытался перейти на иной отсчет
Времени, сколько бы ни презирал не тобою
определенные

сроки, -

Все перемешано, так что не выделить капли в едином

потоке,

В котором все мы случайны и потому – одиноки,
Да и в другом нас, похоже, никто особо не ждет.

Слово стремится к числу, роду, времени или виду,
Впиваясь в любое сходство всеми корнями своими,
Но отвратительно и враждебно любое имя,
И любая определенность порождает страх и обиду.
Словно заключено в стеклянную пирамиду
Дерево всех возможностей. И ты – в автономном
режиме.

Цепкий, презрительный взгляд не устает устанавливать

связи

Между размерами, формами, состояниями, цветами.
Так беспощадно стекло. Синее спиртовое пламя.
Было непрочным, стало прозрачным в новой фазе.
Слово живет ожиданием и растворяется при отказе
В горечи смысла и навсегда расстается с нами.

Голос на автоответчике переживает хозяина телефона,
Словно латынь, пережившая закат и падение Рима.
Лишь на большом отдалении начинается мертвая зона,
В которой все, что прошло, - немощно и безгласно.
Любое мгновение утешается тем, что оно совершенно

неповторимо,

Но все-таки нет причин говорить, что оно прекрасно.

Синтаксис переживает фонетику. Сумма всех
отношений

Переживает носителя. Невозможно остаться самим
собой,

Сохраняя пустой порядок склонений или спряжений,
Потому что любая привычка с судьбой уже соразмерна.

И – не проходит сигнал, и начинаются непонятные
сбои.

Время рождает молчание. Обратное, кстати, неверно...

Холод легко переходит в беззвучную пустоту.
Есть только «да» или «нет» – свет и отсутствие света.
Ранние сумерки распространяются на восток –
От устья к верховьям Невы. Ветер свирепствует на
мосту.

Остановились часы и песенка спета.
Действие ограничено, и срок полномочий истек.

Каждый параграф противоречит любому другому.
Да и вряд ли природе нужен какой-то закон,
Чтобы рассеивать свет зажегшихся фонарей.
Все стремится к нулю, к тому изначальному дому,
Которого больше нет на земле. И со всех сторон
Наступает ночь. Nord. Septenrio. Север. Борей.

Холод и жизнебоязнь, осложненные недостатком света
и

кислорода,

Принимают любые значения в диапазоне
Между памятью и беспамятством. Но существуют
только

средние

величины.

Ночью властвует медиана или, скорее, мода.

Совокупность всех сновидений не нуждается ни в каком
законе.

И нет в ней координат, последовательности, причины...

Проще сказать, сознание недостаточно и непрочно.

Только биение крови обеспечивает сохранность

Прошедшего и настоящего. Иначе было бы слишком

жутко

Повторение пройденного, к тому же по большей части

заочно.

И все же приходится пить этот воздух, солоноватый, как

всякая

данность.

И вечно горчит на губах печальная память рассудка.

Невесомость в кабине лифта. Одиночество лестничной
клетки.

Безнадежность рыхлого снега среди гниловатой зимы...
В принципе больше и не о чем говорить. Лишь почему-
то

Ожидание жизни, отложенной на потом,
Напоминает школу, в которой мы
Отбываем уроки и получаем за что-то отметки.
Беспричинность всего обнаруживается путем
Сопоставления. Вместо надежды на чудо –
Остается ночь. Равнодушие. Темный дверной проем.

Ожидание затянулось, Но вот, наконец, снаружи
Черные ледяные столы
Уже расставлены и накрыты крахмальной порошей.
Мы только проходим, точнее, куда-то скользим.
И жизнь холоднее и легчевеснее табачной золы.
И нет ничего, кроме оттепели или непрочной стужи.
И проблеск сознания был бы совершенно невыносим,
Если бы не был таким коротким. Только лежит
неподъемной
ношей

Груз бесконечных лет и, соответственно, зим.

Нет, но вот снег, когда он блестит при свете луны,
Действительно напоминает какой-нибудь слабый
сигнал,

Почти что лишенный смысла. Неважно, кто разогнал
Частицы холодного света. Неважно, какой длины
Волна, по которой приходит слово, но этой волны
Достаточно для того, чтобы пригородный вокзал
Откликнулся бликами рельс или забытым гудком
(Оставленным в раннем детстве). Случайны и неполны
Воспоминания, живущие, даже неважно в ком.
Лишь холод все еще сковывает канал
Звучащего одиночества. Равнины утомлены
Молчанием. Только печаль нарастает, как снежный
КОМ.

Потому что неважно с кем говорить и неважно о чем,
На каком языке и в границах какой страны, -
Имена и названия в пространстве растворены,
И до них не дотянется голубоватым лучом
Ни одна звезда. И речь, с чего ни начнем,
Сведется все к той же обиде, вставшей из глубины
Какой-то забытой песни. Хотя и повод пропал
И без остатка стерлась даже память о нем.
И только серые ребра бетонных шпал
Обозначают дорогу. И, стало быть, неверны
Конечные выводы. И отклика нет ни в одном
Из миллиарда миров. Лишь холод. Бетон. Металл.

Молчание. Качели. Жирный дым,
Набросанный широкими мазками.
И в прошлой жизни не был бы другим,
И в будущей. Неповторим
Лишь этот воздух. Остается с нами
Трехцветный горизонт, развернутый, как знамя.

Но обостренный слух – что делать с ним?
За новостройками и пустырями
Сгущается закат. Пока молчим –
Любой из нас неотличим
От пыли, вдруг переходящей в пламя
И растекающейся злыми фонарями.

Так в темноту уходит аноним.
И мало сходства в грубой панораме
С прошедшим. Теплый дождь смывает грим.
И каждый шаг непоправим.
Лишь ночь крадется узкими дворами
И пахнет погребом и винными парами.

Тихая жизнь омертвевшей природы,
Желтые листья в стеклянной вазе,
Чайные пятна на старой клеенке,
Жидкие краски с примесью грязи,
Вместо глагола в растянутой фразе –
Долгие паузы и переходы
К новому ряду, и тратятся годы
На смену страницы или колонки.

По умолчанию – смерть, но можно
Выбрать бессмертие, шрифт не меняя.
Распознаешь лишь стандартные знаки.
День безымянный и ночь именная –
Облик все тот же – изнанка иная,
Проще забыть, но и вспомнить не сложно,
Словно коснулся неосторожно
Кнопки – и комната тонет во мраке.

Там, где царила цветущая сложность,
Лишь отчуждение да энтропия.
Зашел – но хозяина не было дома.
Формы любые и краски любые
Бренны, как всякая, впрочем, стихия.
Случай в начале, в конце непреложность.
Лишь подменяют покой и надежность
Листья, сухая трава и солома.

Как в полосе отчуждения или на пригородных
пустырях,

Сорные травы стоят. И не хватит короткого лета,
Чтобы привыкнуть к жизни. Пропал, затерялся где-то
Первоначальный толчок, придающий силу размах.

Вечная ненависть разрушает не меньше, чем вечный
страх.

Вечный покой растворяет в пространстве, лишенном
вкуса

и

цвета.

Ливнем прокатится прошлое. Пену потом назовешь
Сущностью или явлением – разницы мало на деле.

Быстро уходит вода, да и слова надоели.

Пасмурный вечер сам на себя не похож.

Равнодушная правда легко переходит в мелкую ложь.

Да и дожди продлятся еще не больше недели.

Окисляется все. Отмирает и чистый, и практический

разум,

И способность к суждению. Притупляются зрение, слух,
ощущение

вкуса

Хлорированной воды. Слова подчиняются фразам,
Мысли – словам. Но по-прежнему бродят чайники
В толстостенной фаянсовой чашке. Прошлое – только

обуза.

И находишь опору в железе, кальции, цинке.

Как презрение к жизни или же привкус прогорклого

масла,

А, скорее всего, - неизвестности или аптечного

витамина,

На языке остается досада. Да и весна погрязла
В талом снегу, в утомительных перестановках
Одних и тех же значений. На самом деле-то все едино.
Только заборы и водосточные трубы в рекламных

листовках

Демонстрируют оттепель. Скользящая наледь понятий,
Отвердевших от холода и потому – априорных,
Заменяет любую почву. Киосками Роспечати,
Продуктовыми, а иногда – пивными ларьками
Обозначен масштаб пространства. И накопился в
кофейных

зернах

Запах прежних обид, навсегда неразлучных с нами.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I.

- «Говорится – небо, - подразумевается взгляд с высоты»
..... 5
- «Бессмысленно загадывать, что там было в начале...»
.....6
- «Оттаял и быстро подсох Александровский сад»7
- «Хромовым лезвием холода, бритвенным жалом...» 8
- «Пора бы уже расстаться с детской наивностью, с той...»
.....9
- «Приходится если не полюбить, то, по крайней мере...»
.....10
- «Там, где растут одуванчики и куриная слепота...»
.....11
- «То, что не сказано вслух...»12
- «Небо под вечер тревогой перебродило...»13
- «Существуют только слова. И чаще всего ни о чем»
.....14

II.

- «Как в детстве знаешь о смерти...» 17
- «То, что в детстве было снежной горкой...»18
- «Забылось, как звали кого. Все прошли, не оставив следа...» ...19
- «Пока не нарушен синтаксис и остаются всегда при тебе...» ..20
- «Нет никого. Имена покрылись мучнистым налетом»
.....21
- «Помнишь ли длинные стеллажи из грубо сколоченных досок...»22

«Припомни без пристрастия и гнева...»	23
«На экране заставка Windows в виде трубопровода...»	24
«Вспоминается темная, мокрая, зачервивевшая малина...»	25
«В каких-то потрескавшихся перегородках вся жизнь протечет...»	26
«На снегу выколачивают ковры»	27
«Сквозь пробоины в шиферной крыше звонко стекает вода» .	28

III.

«Гранитный залив загустел и замерз»	31
«Не заменишь себя никем и другому не передашь...»	32
«Как в оттепель мокрый лед...»	33
«Непомерно большая луна в облачном серебристом убранстве...»	34
«Да что там море! Достаточно кусочка залива...»	35
«По ночам непонятные звуки пронизывают весь дом...»	36
«Сквозь густые струи воды...»	37
«Серая накипь, шум неупорядоченных значений...»	38
«По тонкому льду залива бесшумно бежит снегоход».....	39
«По случаю то ли праздника, то ли хорошей погоды...»	40
«Как язычок зажигалки в непроглядной лестничной темноте...»	41
«Оловянные, пластмассовые ели»	42

«Как паутина, повисшая на потолке...»	43
«Жизнь почти что прошла, но так и не привязала...»	44

IV.

«Холод и сырость...»	47
«Пылающий закат переступил рубеж...»	48
«Как на Финском заливе вечером голубой...»	49
ЧЕРЕМУХА	50
«Недоверие вызывает любой незнакомый предмет»	51
«Существование плюс необходимость равняется бытию»	52
«Прерывистость и непрерывность. Влажный снег, разделенный на доли»	53
ОБУХОВО	54
«Нет ничего холоднее одинокого фортепьяно...»	55
«Живые и мертвые адреса давно ушли в Интернет»	56
«Как тишина отключенного телефона...»	57
РАССУЖДАЯ О МЕТОДЕ	58

V.

«Сухость гортани, саднящая тяжесть любых изменений...» ...	61
«Внезапная оттепель укрепляет вечный самообман...»	62
«Слово стремится к числу, роду, времени или виду...»	63
«Голос на автоответчике переживает хозяина телефона...»	64
«Холод легко переходит в беззвучную пустоту»	65

«Холод и жизнебоязнь, осложненные недостатком света и кислорода...»	66
«Невесомость в кабине лифта. Одиночество лестничной клетки»	67
«Нет, но вот снег, когда он блестит при свете луны...»	68
«Молчание. Качели. Жирный дым...»	69
«Тихая жизнь омертвевшей природы...»	70
«Как в полосе отчуждения или на пригородных пустырях...»	71
«Окисляется все...»	72

Давид Раскин
Стихи. 1999 – 2202.

Компьютерный набор и оригинал-макет автора.

Подписано в печать 02.06.2004 г.
Тираж 250 экз.

Отпечатано в типографии ООО НПФ БИОС
197198, СПб, пр. Добролюбова, д. 14.
т/ф (812) 238-11-54